

УДК 81'42
ББК 81.00

ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ СВОЙСТВО ТЕКСТА

О.Р. Валуйская

В статье вводится понятие интерпретативности, которое трактуется как общетекстовое свойство. Предлагается рассматривать это свойство в связи с интерпретацией текста как процесса и результата деятельности интерпретатора, который вербализует свое понимание текста.

Ключевые слова: *интерпретативность, интерпретация, текст, потенциальное свойство текста, структура текста, множественность интерпретации.*

Понимание текста в гуманитарных науках, как правило, тесно связано с интерпретацией. При этом необходимо разграничить два понятия – интерпретацию и понимание, которые в рамках интерпретационного подхода часто рассматриваются как взаимосвязанные или взаимозаменяемые. Необходимо подчеркнуть, что интерпретация обязательно имеет вербализованный вариант репрезентации в отличие от понимания.

Интерпретирующая лингвистика (или интерпретационизм) в узком смысле называется также «интерпретирующей семантикой», которая устанавливает правила семантической интерпретации и утверждает, что весь спектр возможных значений конкретного предложения возникает только в результате действия этих правил. Интерпретационизм в широком смысле возник под влиянием семиотики, теории интерпретации в литературоведении и интерпретирующей семантики. В рамках этого подхода выявляются механизмы интерпретации при понимании и общении. Однако, как бы ни понималась интерпретация текста (в широком или узком смысле), необходимо определить ее суть, цель, объект, результаты, инструменты, процедуры и охарактеризовать личностный аспект.

Одним из наиболее известных представителей интерпретирующей лингвистики, то

есть интерпретационизма в узком его понимании, является Ф. Растье, который, поставив цель ответить на вопрос: как мы читаем и понимаем текст, исходит из допущения, что читатель оперирует семантическими единицами. Своей задачей Ф. Растье видит построение такой теории интерпретации, которая устанавливает эти единицы и дает системное описание их отношений. Он рассматривает понятия семемы и семы (афферентной/ингерентной, видовой/родовой). Семема трактуется как содержание морфемы; под семой понимается элемент семемы, определяемый как экстремум бинарного функционального отношения между семемами [9, с. 365]. В качестве центрального понятия предлагается «изотопия», которая обычно понимается как результат комбинации сем. Ф. Растье различает два вида интерпретации: 1) внутритекстовую, выявляющую актуализированные в тексте семы, и 2) затекстовую, выявляющую неактуализированные в тексте содержания. Обоим видам интерпретации свойственны определенные операции. Таковыми для внутритекстовой интерпретации являются: анализ (выявление всех сем исходной семемы), сохранение (итоговая семема идентична исходной семеме), конденсация (несколько исходных семем записываются в виде итоговой семемы, называемой иногда метасемемой).

Для затекстовой интерпретации характерны такие операции, как транспозиция (итоговая семема содержит по меньшей мере одну общую с исходной семемой сему и одну

отличную сему); субституция (итоговая семема не содержит ни одной семы исходной семемы); погашение (семема исходного текста не преобразуется в итоговом тексте); добавление (семема итогового текста не преобразует ни одну семему исходного текста).

Автор предлагает следовать от текста к элементам, используя операции интерпретации, посредством которых выводится всякий смысл, и, следовательно, он зависит от стратегии. Таким образом, смысл текста не является непосредственно данным, он конструируется сообразно стратегии интерпретации; даже в простейшем высказывании это результат сложной интерпретации. Ф. Растье критически оценивает положения о том, что текст обладает только одним верным смыслом и допускает только одно правильное толкование. В его исследовании обоснована возможность и показан механизм различных толкований и по отношению к лексическим единицам, и по отношению к тексту.

Существенным уточнением является и то, что интерпретирующая семантика, позволяя понять, как складывается текст в результате взаимодействия языка, человека и общества, не может предъявить научную теорию, которая исключала бы все остальное. За рамки компетенции семантики выходят «критерии оценки прочтений», которые зависят от «теории идеологий» [9, с. 283].

Подобные проблемы пытается решить интерпретационизм в широком смысле. Это направление, как уже отмечалось, в теоретическом языкознании возникло под влиянием семиотики, теории интерпретации в литературоведении и интерпретирующей семантики.

Согласование различных точек зрения (лингвистической и литературоведческой) на интерпретацию рассматривается В.З. Демьянковым, который указывает, что при «гармонизирующем» взгляде интерпретация «становится реальным инструментом не только при осуществлении проектов лингвистического исследования, но и при анализе филологических теорий» [3, с. 42]. Обоснованным является определение сути интерпретации как процесса, результата и установки. Цель интерпретации характеризуется как переменная величина, поскольку существенную роль в этом процессе играют личностные факторы, например харак-

тер и способности человека-интерпретатора. Цель интерпретации квалифицируется как установление и поддержание гармонии, что связано с осознанием свойств контекста, окружающего интерпретируемую речь, а также с размещением результатов такого осознания в плоскость собственного внутреннего мира. Это наиболее общая цель, а частным случаем может быть получение целостного объекта (результата интерпретации).

Вопрос об объектах интерпретации связан с противопоставлением «интерпретируемое/неинтерпретируемое». Позиция В.З. Демьянкова сводится к тому, что это противопоставление можно рассматривать в связи с понятием сложной интерпретации, когда возникает необходимость добавлять новые конвенции. Вводится и термин «интерпретируемость», который обозначает потенциальную осуществимость действия в рамках конкретной, заранее обусловленной системы интерпретации. Если есть некий объект интерпретации, свойством которого является интерпретируемость, то есть и результаты. Исследователем выделяются «воспринимаемые» результаты, типа ответных действий (текст пересказа), и «невоспринимаемые» результаты (умозаключения и достройки внутреннего мира интерпретатора). Результатом интерпретации является обретение текущим высказыванием речевого значения, которое актуализируется в виде смысла, дополняя, сужая или меняя сложившийся внутренний мир интерпретатора.

В рамках рассматриваемой концепции определяются опорные пункты и «инструменты» интерпретации. Так, в качестве опорных пунктов рассматриваются слова, конструкции, мысли, на которые опираются при интерпретации. Среди инструментов выделяются три вида: свойства конкретной речи (предложений или текста в их составных частях и отношениях); знания (локальные: контекст и ситуация, импликация в тексте; глобальные: конвенции и правила); стратегии, которые организуют ход интерпретирования и соединяют цель и средства [3, с. 84].

Следующий вопрос, который затрагивается исследователем, – это вопрос о процедуре, то есть о выдвижении и верифицировании гипотез, о смысле всего выражения (или текста) в целом. Процедурные свойства объяснимы,

если принимается гипотетический характер каждого шага интерпретирования. Промежуточный шаг связан с ожиданием и характеризуется объектами ожидания и основаниями ожиданий. К объектам ожиданий можно отнести: текстовый объект последующей интерпретации (реинтерпретации); внутренние миры автора (при искренности автора, по оценке интерпретатора, такой мир один; в противном случае миров столько, сколько намерений у автора подозревает интерпретатор); внутренний мир интерпретатора. Обоснованность ожиданий связана с объектами ожидания (текстом: внутренним миром автора по оценке интерпретатора; внутренним миром интерпретатора).

Последний вопрос, который, по мнению В.З. Демьянкова, связан с интерпретацией, – специфика личности интерпретатора, что выделяет его из числа других носителей языка. К таким относятся «межличность» и эмпатия интерпретатора, а также интенциональность.

Проблема личности интерпретатора может быть рассмотрена в зависимости от установки: является ли интерпретатор эмпатиком или критиком. Эмпатик пытается понять текст как нечто свое, соединившись с внутренним миром автора, сохраняя эмоциональные и смысловые оттенки. Критик ставит перед собой цель оценить (оценка может быть многомерной, не только положительной или отрицательной), что способствует отстранению интерпретатора от автора [8, с. 120].

В рамках лингвистической интерпретации предлагается выделять универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии [4, с. 309]. Универсальные интерпретационные стратегии основаны на отличительных признаках стратегии, которая рассматривается в теории игр, приложенной к описанию речевой деятельности. Таковыми являются: наличие принципа (или плана), который регулирует на каждом этапе действий выбор из набора возможных действий (альтернативы всегда существуют) в конкретной ситуации. Сделанный выбор оценивается с точки зрения целесообразности и эффективности; исход применения стратегии не всегда предсказуем.

Идиоэтнические стратегии интерпретаций как часть национальной традиции проявляются: в практике восприятия-понимания, интерпретации (традиция истолкования), пере-

вода; в традициях описания «своего» и «чужого» языка; в традициях культурологической и литературоведческой рецепции текстов, своих (создаваемых данным этносом) и чужих (текстов, пришедших из чужих культур и от других народов); в грамматических и лексикографических традициях (среди прототипных национальных культур можно указать западноевропейскую, санскритскую, семитскую и китайскую) [4, с. 313].

Интерпретация текста находится на стыке лингвистики текста и теории текста. При интерпретации текста художественного произведения необходимо учитывать значимость истории и теории литературы, а также стилистики художественной речи [6, с. 6]. Одни исследователи отдают предпочтение структурно-семиотическому подходу, другие концентрируют свое внимание на содержательном плане текста, так как «само содержание имеет неявный характер, поэтому любой художественный текст нуждается в истолковании» [7, с. 131].

Методологическую основу структурно-семиотической интерпретации составляет трактовка текста как совокупности определенным образом взаимосвязанных элементов (знаков), то есть «объектом служит весь текст, от первого слова до последнего, вернее, вся структура произведения, понимаемая как иерархия отношений внутритекстовых элементов, в совокупности несущих художественное содержание произведения» [10, с. 23].

В научно-исследовательской практике вышеуказанное направление представлено в концепции Б.А. Успенского о вычленении различных «точек зрения» при анализе композиции художественного текста и Б.М. Гаспарова о мотивном анализе художественного текста. «Точка зрения» как проблема композиции рассматривается Б.А. Успенским в плане идеологии, фразеологии, пространственно-временной характеристики.

Самым общим уровнем признается идеологический, или оценочный, под «оценкой» понимается общая система идейного мировосприятия. Возможными носителями идеологической точки зрения могут быть автор, рассказчик и герой (персонаж), проявляется же идеологическая точка зрения в том, как носитель оценивает окружающую его действительность.

Фразеологическая точка зрения проявляется тогда, «когда автор описывает разных героев различным языком... при этом автор может описывать одно действующее лицо с точки зрения другого... использовать свою собственную точку зрения или же прибегать к точке зрения какого-то третьего наблюдателя (не являющегося ни автором, ни непосредственным участником действия) и т. д. и т. п.» [11, с. 30]. Средствами выражения этой точки зрения являются прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, сказ, я-рассказ, употребление имен собственных.

Психологическая (преднамеренно субъективная) точка зрения имеет место тогда, когда авторская точка зрения опирается на то или иное индивидуальное сознание (восприятие).

О «точках зрения» в плане пространственно-временной характеристики говорится в тех случаях, когда точка зрения повествователя может быть как-то фиксирована в пространстве и во времени, то есть мы можем догадываться о месте (определяемом в пространственных или временных координатах), с которого ведется повествование.

В целом внимание Б.А. Успенского сосредоточено на пространстве, образуемом текстом, но не на пространстве текста. Автор выдвигает положение о приоритете времени над пространством. Рассматривая пространственную и временную неопределенность, Б.А. Успенский отмечает, что последняя является менее характерной для произведений литературы.

Концепция Б.М. Гаспарова о мотивном анализе произведения опирается на основные положения структурно-семиотического подхода, рассматривающего произведение как знаковую структуру высокой степени сложности, элементы которой находятся в многообразных соотношениях между собой. Эти соотношения определяют значимость каждого элемента, характер его воздействия на другие элементы и в конечном счете смысл всей той сложнейшей сетки зависимостей, которая покрывает весь текст и сообщает ему характер целостного и комплексного художественного знака. В основу мотивного анализа положен принцип текстоцентричности, и текст выступает как единственная данность. Мо-

тив, по Б.М. Гаспарову, имеет ядро (или центральную позицию), где образы реализуются в наиболее явном и полном виде, и множество периферийных проявлений (элементов), относящихся ко второстепенным образам. Характеризуется мотив и многоуровневой системой связей и противопоставлений. Данная концепция мотивного анализа структуры текста применяется автором для всестороннего, детального анализа мифологических мотивов «Слова о полку Игореве», которые не просто в изобилии наличествуют в тексте, но образуют единую структуру. Выделяется совокупность мифологических мотивов, которые могут выступать в разнообразии сочетаний и соотношений, а также подвергаться «причудливой контаминации» [2, с. 12–25].

Автор отмечает также, что данное исследование, имеющее имманентный характер в своей первоначальной направленности, может дать базу для обобщенных типологических рассуждений, связанных с постановкой вопросов о том, 1) в какой степени имеющийся в нашем распоряжении текст представляет собой целостную и конгруэнтную структуру и 2) с какой культурной эпохой, литературной традицией, жанровыми особенностями могут быть типологически сопоставлены характерные признаки и свойства структуры.

Рассмотренные подходы (вычленение различных «точек зрения» и мотивный анализ), бесспорно, имеют свои достоинства в плане описания структуры текста, но не затрагивают содержательного аспекта текста. Кроме того, исследования ведутся относительно текстов художественной литературы, а вопрос о возможности использования структурно-семиотического подхода при интерпретации текстов, не относящихся к художественным, остается открытым.

Существует еще один подход к интерпретации текста, при котором его формальная и содержательная стороны выступают как паритетные начала (см., например, работы В.А. Лукина). Интерпретацию текста, согласно мнению автора, не следует понимать только как истолкование, раскрытие содержания речевого произведения, поскольку интерпретация есть способ взаимосогласования формы текста с его содержанием. В целом исследовательская концепция строится

с позиции получателя текста (читателя, интерпретатора).

Под структурой текста В.А. Лукин предлагает понимать схему связности его ключевых знаков (структурных элементов, осуществляющих взаимосвязи в семантическом пространстве текста, вне которого невозможны ни сами эти знаки, ни взаимодействие между ними). В таком понимании структура вполне может использоваться как «грамматика» понимания. Посильной представляется задача определения относительно лучшей интерпретации. Согласно мнению исследователя, это та интерпретация, которая, во-первых, основана на структуре текста; во-вторых, предлагаемые в ее рамках объяснения могут соединяться в одну причинно-следственную цепь, в-третьих, структура рассматривается как иконический знак общего содержания текста, все его частные смыслы подчинены ей.

Таким образом, при определении качественной интерпретации в центре оказывается соотношение содержания с формальной структурой текста, хотя сам исследователь утверждает, что формальная сторона не выводится на первый план. Автор занимает позицию, подтверждающую относительную независимость формы от содержания и устанавливающую ее определяющую роль по отношению к содержанию. При таком подходе не устраняется конфликт между формой и содержанием.

Интересным в отношении читательской интерпретации представляется исследование Н.И. Колодиной, которая выделяет когнитивную, семантическую и распремечивающую интерпретации. По мнению автора, распремечивающая интерпретация является высшим типом интерпретации, которая позволяет сформировать ряд мнемопаттернов [5, с. 30]. Под мнемопаттерном понимается мыслительный образ, сформировавшийся в результате категоризации представлений чего-либо или представления о чем-либо.

Среди вопросов, связанных с интерпретацией текста, выделяется проблема ее множественности.

Обосновывая потенциальную бесконечность множества интерпретаций текста, в частности художественного, исследователи, как правило, связывают ее с личностным аспектом, то есть с созвучностью или несова-

дением отдельных идейно-эстетических, психологических, эмоциональных качеств автора и читателя, а также с невозможностью двух идентичных прочтений одного художественного текста, так как даже у одного и того же читателя каждое новое прочтение нетождественно предыдущим; с потенциальной смысловой бесконечностью художественного текста, с принципиальной многозначностью и неисчерпаемостью «первозлемента» литературы – художественного образа, а также с тем, что каждая новая эпоха дает свою трактовку одного и того же текста.

При всем многообразии подходов к интерпретации и мнений о ее свойствах можно выделить совокупность типичных черт, которые могут охарактеризовать ее и как процесс «декодирования закодированного», и как результат:

1. Двусторонность: а) объяснение и/или обоснование для себя и б) объяснение и/или обоснование для других.

2. Множественность, которая не есть произвол интерпретатора.

3. Адекватность, которая не есть тождество.

4. Креативность как сотворчество.

5. Оригинальность, которая не есть самоцель.

6. Междисциплинарность, требующая комплексного подхода.

Особую актуальность в современном филологическом знании получают вопросы, связанные с интерпретацией художественного текста. Однако, несмотря на большое число работ, посвященных художественному тексту и его интерпретации, остается открытым основной вопрос – как интерпретировать текст. Высказываются мнения, что одним из возможных направлений в этом отношении будет научение рефлексии. По мнению Г.И. Богина, «рефлексивные методы обучения могут быть только интерпретационными: интерпретация – это высказанная рефлексия. Гигантский когнитивный и методологический аппарат филологии станет в XXI в. питательной средой для коренного улучшения педагогики, школы, равно как и всех других источников формирования человека» [1, с. 30].

Охарактеризованные подходы позволяют выделить и разграничить понимание и интер-

претацию, которая в отличие от понимания имеет вербализованный вариант репрезентации, а также выявить потенциальное свойство текста, которое можно назвать интерпретативностью, имеющей общетекстовый характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин, Г. И. Типология понимания текста / Г. И. Богин. – Калинин : Изд-во КГУ, 1986. – 86 с.
2. Гаспаров, Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве» / Б. М. Гаспаров. – М. : Аграф, 2000. – 608 с.
3. Демьянков, В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 171 с.
4. Демьянков, В. З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В. З. Демьянков // Язык и культура: факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.
5. Колодина, Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста / Н. И. Колодина. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2001. – 184 с.
6. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 214 с.
7. Лукин, В. А. Художественный текст / В. А. Лукин. – М. : Ось, 1999. – 191 с.
8. Мышкина, Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста / Н. Л. Мышкина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212 с.
9. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. – Н. Новгород : Деком, 2001. – 368 с.
10. Сосновская, В. Б. Интерпретация художественного текста как учебная дисциплина / В. Б. Сосновская // Иностранные языки в высшей школе. – М. : Высш. шк., 1987. – Вып. 19. – С. 21–29.
11. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

TEXT INTERPRETATIVITY AS A POTENTIAL FEATURE

O.R. Valuyskaya

The article deals with the notion of interpretativity which is viewed as a text feature. The author puts forward the idea of interpretativity as the one connected with text interpretation that is outlined as a process and the result of the reader's or listener's mental activities being verbalized.

Key words: *interpretativity, interpretation, text, potential text feature, text structure, multiple interpretations.*